ТОРЖЕСТВО РЕАЛИЗМА

Во МХАТе имени Максима Горького поставили пьесу Розова «В день свадьбы»

Независимая газ. – 1999 – 18 марта – с. 7

Григорий Заславский

КОГДА два года тому назад во МХАТе имени Максима Горького поставили самую первую пьесу Виктора Сергеевича Розова «Ее друзья», это было воспринято как вызов. Как к вызову, который, впрочем, стараются не замечать, относятся и к верности художественного руководителя МХАТа на Тверском драматургии Горького. Блажит, полагают. Или – в случае с Розовым – может быть, выражает таким вот образом солидарность с нынешними политическими заявлениями старика-драматурга. Или пытается пробудить в зрителях (а в ком-то просто поддержать) ностальгические настроения, сентиментальные воспоминания о прожитой молодости, совпавшей с эпохой расцвета «бесконфликтной» драматургии на подмостках одной шестой суши.

В первом случае можно было объяснить этот «странный» репертуарный выбор и юбилеем мастера. Но тогда тем большие размеры приобретал вопрос – почему взяли именно эту пьесу, самую наивную, простодушную, лишенную мастерской отделки более поздних сочинений? У Розова есть пьесы, много лучшие первой. «В поисках радости», например, или «В добрый час!»... На этот вопрос отчасти отвечают в нынешней программке. *«Для театра,* – написано там, – *важна та ныне забытая сфера жизни, где у Розова возникают конфликты. Сфера исследования писателя – жизнь хорошего человека... Теперь таких пьес не пишут... А Розов верит в торжество хорошего человека, и вместе с ним верит в это и МХАТ имени М.Горького».*

Понятно, что в первый раз «нырнули» так глубоко, чтобы взять пьесу 49-го года, поскольку имели на то резоны: чем дальше от *«суровых буден конца 90-х»* (это тоже из программки), тем больше вероятность найти чистую, незапятнанную породу. Получилось. Решили повторить.

Вторая попытка вышла тоже удачной.

«В день свадьбы» была написана Виктором Розовым в начале 60-х и, как все пьесы Розова, имела успех. Шла по всей стране, потом, как все пьесы Розова, сошла со сцены. Конфликт, ситуация, сами герои – все вдруг показалось устаревшим, потерявшим правдоподобие. Сказать, что в спектакле, поставленном (как и «Ее друзья» на этой же сцене) **Валерием Усковым**, герои ранних 60-х и их драматические переживания соотносятся с нашим временем «один к одному», конечно, нельзя. Что же тогда вызывает интерес у нынешней публики (помимо уже предугаданного ностальгического припоминания и сопутствующих сентиментальных чувств – у старшего поколения)? Особенно у тех, совсем молодых, школьников, что и до, и после спектакля не скрывали знакомства и хорошего знания ненормативной лексики, а во время спектакля сидели молча, не отрываясь от сцены, буквально – с открытым ртом?

Я бы назвал это *очарованием неадекватности*, непохожести на то, что происходит вокруг, далекости и одновременной близости, в том числе и хронологической (похожая прелесть отличала и спектакль «Мое загляденье» по пьесе Арбузова в Театре на Малой Бронной). Но первое, что приходит на ум, и первое сравнение, которое выталкивает на поверхность угодливая память, – это «Старые песни о главном». Самые первые, с колхозно-старорежимным бытом и тою же яркостью красок, что отличает и декорацию Серебровского во МХАТе. Во всю ширину и высоту огромной мхатовской сцены – шикарный задник перспективного письма, изображающий Волгу и *тот* – дальний – берег с домами на той стороне (вечером в них загорятся огоньки), и далеко, до самого горизонта – зелень, в которой утопают и дома, и непременная стройка. Когда открывается занавес, эта перспектива, по всем правилам русской реалистической школы выписанная художником **Владимиром Серебровским**, не шутя, захватывает дух.

Справа – дом, крыльцо в три ступеньки, слева – сарай, во дворе стол под лампой и несколько свежеслаженных скамеек – к завтрашней свадьбе. В таком «интерьере» – светлом, свежем, чистеньком (стерильно-деревенском), точно и впрямь здесь только что – перед грядущим праздником – выдраили все углы, и все блестит, готовое к встрече дорогих гостей, – разворачивается история. По всем законам классического триединства – времени, места и действия. История начинается утром, накануне свадьбы, и заканчивается на следующий день, за свадебным столом.

Припоминание «Старых песен...» тем более оправданно, что режиссер в старую пьесу Розова вводит зрителя «не сквозь главный порог», а «путаными тропами» – в темноте, до открытия занавеса, мы слышим звуки настраиваемого радиоприемника, известные сегодня позывные, обрывки нынешних песенок и рекламных объявлений, через замусоренный эфир не сразу и вдруг пробиваемся к старенькой песне, которая, как проводник, выводит нас к Розову. Песен в спектакле много. Играет приемник, который выносят на подоконник, поют под гитару Михаил Заболотный (**Максим Дахненко**) со своим названным братом Василием (**Станислав Курач**). Составителям «музыкального оформления» прощаешь некоторый анахронизм – скажем, песню Окуджавы «По Смоленской дороге...», которая, мне кажется, вряд ли могла иметь такое широкое распространение в то время.

Выйдя на сцену после премьеры, Виктор Сергеевич не зря сказал о том, что «хороших людей больше, и за хорошими людьми – будущее!» В жизни, понятно, в это верится с трудом, но в пьесе «В день свадьбы» у Розова действительно все хороши, кроме, может быть, Николая (**Александр Самойлов**). Между прочим, становится известно, что он завышает нормы, превращая рекордную выработку в дневной план, и, призывая Михаила не расстраивать свадьбу, говорит, что, если кроме невесты есть на стороне еще какая любовь, с этой любовью нужно просто подождать. И жена Рита (**Ксения Косаренкова**) его не любит. Но, несмотря на то что конфликтовать с самого начала предстоит хорошему с лучшим, история оказывается увлекательной, затягивает. Хотя главные герои не слишком торопятся обозначить природу конфликта. То есть понятно, что Михаил любит вовсе не Нюру (**Наталья Моргунова**), а Клаву (**Ирина Фадина**), но страдания и у Михаила, и у Нюры, и более всего у Клавы – выставлены напоказ. Пожалуй, только Нюра здесь – пленница своих завкомовских забот. А то, что Михаил – такой же пленник собственных чувств и Нюра в финале пьесы отпускает его на свободу, мы можем дофантазировать сами.

Но – странное дело – это не мешает с неослабным интересом следить за сюжетом, однажды ловя себя на мысли, что, наверное, так же увлекаются и уже не помнят себя зрители мексиканских «мыльных опер» (даром что тут имена наши русские – Нюра Салова, Оля Кожуркина...). И там, и тут – столько страсти на единицу игрового пространства-времени!

Но спектакль во МХАТе, конечно, не мексиканская «мыльная опера». Это наша история, с какой стороны ни посмотри. И Волга, и все эти имена, и то, что не доиграли на первом плане, оживает и «дышит» на втором. Какие-то трогательные отношения между Олей Кожуркиной (**Елена Ивасишина**) и Женей (**Александр Морозов**), который приезжает в родные места на каникулы, а в Москве учится на актера... И несомненное, а может, и главное достоинство спектакля – его старухи. Замечательные старухи! А по возрасту даже и не старухи, а гранд-дамы, какими сегодня даже Малый театр не может похвастаться, а здесь их талантами, конечно, не пренебрегают, обращая на пользу всякий раз, как подворачивается такая возможность, но специально – «на них» – спектаклей не ставят, хотя на этих актрисах можно было бы держать репертуар. Видно, что недоигравшие, много пропустившие в своей артистической жизни, эти актрисы за двумя-тремя репликами, короткими, на несколько минут, выходами позволяют угадывать судьбу. Собственно, они эту судьбу играют. Сергеевна (**Маргарита Юрьева**), которая приходит вымыть полы и убраться в доме, чтобы, уходя, эту уборку преподнести как подарок, – наверное, первая деревенская красавица в прошлом, не растерявшая красоты и в нынешнем своем одиноком житье-бытье, когда-то, наверное, гордячка, а теперь, под старость, старающаяся прибиться к чужим, чтобы избыть одинокость. Матвеевна (**Клементина Ростовцева**), бой-баба, которая, надо думать, если бы свадьба не расстроилась, после второй-третьей рюмки запела бы такие частушки, что, как говорится, «ни пером описать». Явилась, чтобы помочь с пирогами, и, ловко, блатно прикурив сигаретку, скоро войдя во вкус, восклицает: «Не могу без коллектива!» И появляющаяся буквально на одну, последнюю сцену, на те самые две-три реплики – среди гостей на свадьбе, под самый финал, но тут же и запоминающаяся этими двумя-тремя фразами, походкой, светящимися из-под платка глазами деревенской праведницы (со всеми ее очевидными и всей деревне известными грехами) **Елена Хромова.** ■

Виктор Розов.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)